

Редупликация как словообразовательное средство в языках Западной Африки¹

Редупликация, то есть неслучайный повтор слова или его части,² в том или ином виде существует практически во всех языках Африки. Набор функций и степень продуктивности этого языкового механизма существенно варьируют от языка к языку, поэтому мнения исследователей о том, есть ли в данном языке редупликация, часто расходятся. Обычно редупликацию безоговорочно признают, если она выполняет в языке какие-либо грамматические функции. Так, например, не вызывает сомнения наличие редупликации в хауса, где она используется для образования форм множественного числа (dangi ‘родственник’ – dange-dange ‘родственники’), или в догон, где при помощи редупликации образуется ряд глагольных форм (nɔzɛm ‘я пью’ – nɔnɔzɛm ‘я пью время от времени’). Однако роль, которую редупликация играет в формировании лексического состава языка, реже обращает на себя внимание исследователей и, в результате, часто остается недооцененной.

Данная работа посвящена анализу редупликации как словообразовательного средства в ряде африканских языков. Поскольку вопрос о том, что в языке является лексическим, а что грамматическим, можно считать одним из самых нетривиальных вопросов устройства языка (и ответ на него не может быть дан в настоящей работе), для данного исследования был выбран следующий подход: все, что попадает в словари анализируемых языков, входит в область нашего интереса, остальное же остается за пределами рассмотрения. Работа носит типологический характер, но не претендует на исчерпывающее исследование – поскольку нам неизвестны другие работы, ориентированные на типологический анализ лексики африканских языков с точки зрения редупликации, мы старались дать, прежде всего, общее представление о функционировании рассматриваемого языкового механизма. В результате, большая часть фактов и сделанных наблюдений освещается сжато и без углубления в детали. Предполагается, что в дальнейшем многие вопросы, затронутые в данной работе, станут объектом специальных исследований.

Для рассмотрения был привлечен материал ряда языков Западной Африки. Отбор языков проводился более или менее произвольно, но с учетом двух требований: а) подборка языков должна быть генетически разнородной; б) для языка должен существовать словарь, составленный достаточно подробно, чтобы фиксировать не только базовую лексику. В работе использовались данные следующих языков:

<i>Язык</i>	<i>Генетическая принадлежность</i>	<i>Источники данных</i>
фула	северная ветвь западноатлантических языков нигероконголезской макросемьи	[Зубко 1980]
волоф	северная ветвь западноатлантических языков нигероконголезской макросемьи	[Lexique Wolof-Français 1977]
киси	южная ветвь западноатлантических языков нигероконголезской макросемьи	[Childs 2000]
були	семья гур нигероконголезской макросемьи	[Kröger 1992]
кабье	семья гур нигероконголезской макросемьи	[Lévikaza 1979]
нупе	бенуэ-конголезская семья нигероконголезской макросемьи ³	[Banfield 1914]
догон	изолят в нигероконголезской макросемье	[Kervran 1982]

¹ Работа выполнялась при поддержке гранта РГНФ 02-04-00308а, окончательный вариант работы был написан при поддержке гранта РГНФ 05-04-04051а.

² Конечно, не всякий неслучайный повтор можно считать редупликацией. Подробнее о том, что мы включаем в это понятие, см. [Рожанский 2000].

³ Ранее нупе относили к языкам ква, однако впоследствии состав этой семьи был существенно пересмотрен.

бамана	семья манде нигероконголезской макросемьи	[Bailleul 1981]
сонгай	традиционно считается нилосахарским языком, но окончательно не классифицирован даже на уровне принадлежности к макросемье	[Haïdara и др. 1995], [Heath 1998]
мбай	семья сара центральносуданский ветви нилосахарской макросемьи ⁴	[Keegan 1996]

Понятно, что большинство указанных словарей включает в себя лексику различных говоров, а нередко и диалектов, которые могут существенно различаться по лексическому составу (например, различия между многочисленными диалектами фула бывают столь сильны, что встает вопрос об обоснованности их объединения в единый язык). В данной работе мы позволили себе не давать диалектных помет в приводимых примерах – точная диалектная идентификация лексема не слишком важна с точки зрения поставленных задач, а избыточная информация могла бы затруднить восприятие материала. К тому же уточнение таких моментов всегда возможно непосредственно по указанному словарю (если, конечно, соответствующая информация в словаре представлена). Таким образом, не следует удивляться, если носитель какого-либо из указанных языков не найдет в своем идиолекте всех лексем, которые приводятся в данной работе.

Структура работы следующая: сначала вводятся основные понятия, необходимые для последующего изложения, затем поочередно рассматривается материал, касающийся различных типов редупликации. После этого приводятся типологические обобщения и выводы.

1. Основные понятия

Прежде чем переходить к рассмотрению материала, следует дать определения основным понятиям, используемым в работе.

Мы различаем **мотивированную** и **немотивированную** редупликацию. Если в языке существует некоторое редуплицированное слово, а также нередуплицированное слово, повтор которого (полный или частичный) образует рассматриваемое редуплицированное слово, то мы называем такую редупликацию мотивированной. Случайные совпадения (ср., например, русское "Гоголь" и "голь") в работе не учитывались. Естественно, могут возникать ситуации, когда очевидного ответа на вопрос, является ли внешняя схожесть редуплицированного и нередуплицированного слова случайной, не существует. В этом случае решение принимается индивидуально для каждого примера, с учетом того, какие семантические различия наблюдаются между редуплицированным и нередуплицированным словом и насколько эти различия характерны для других, более очевидных случаев редупликации. Немотивированной мы называем редупликацию, у которой не существует соответствующего нередуплицированного коррелята.

При редупликации повтор может быть неточным, например, (догон) *béngu-bangù* 'большой, толстый', (киси) *níngínáŋgáá* 'радуга', (бамана) *bìrì-bàrá* 'разбрасывать, раздроблять'. Различие между составляющими редупликации мы называем **дивергенцией**. Чаще всего дивергенции подвергаются гласные (как в приведенных выше примерах), но возможна дивергенция согласных (например, в бамана: *sálákú-málákú* 'прозорливый').⁵ В подавляющем большинстве случаев можно без затруднений определить, какая часть редуплицированного слова является дивергентной (то есть измененной), а какая нет: для мотивированной редупликации именно неизменная часть совпадает с исходным нередуплицированным словом (ср. например, в догон *niŋé-naŋa*

⁴ Насколько мбай можно считать западноафриканским языком – вопрос спорный. Осознавая этот факт, мы все-таки включили в данную работу материал этого языка.

⁵ В целом, дивергенция согласных достаточно нетипична для рассмотренных языков. Существуют ли африканские языки, где дивергенция согласных достаточно развита (как, например, в тюркских языках), нам неизвестно.

‘действие смешивания’ и *piŋè* ‘сплестать, класть накрест’). Для немотивированной редупликации определение дивергентной части основывается на совокупном анализе слов такого типа, поскольку в языке обычно существует достаточно жесткая схема дивергенции. Например, в догон происходит замена гласных (только первого или всех) на [a]. Поэтому не возникает сомнений, что в слове *béngu-bangù* ‘большой, толстый’ дивергентной является вторая часть. Для дивергентной редупликации мы можем определить направление редупликации. Редупликацию, где повторенная (в данном случае – дивергентная) часть оказывается слева от исходной, мы называем **регрессивной**, а если повторенная часть располагается справа от исходной, мы говорим о **прогрессивной** редупликации. Если редупликация не является дивергентной, то определение ее направления либо невозможно, либо затруднено.⁶ При дивергенции гласных для прогрессивной редупликации характерна замена на более открытый гласный (чаще всего [a]), для регрессивной редупликации правило более сложное (как правило, заменяющий гласный более закрытый: [i] или [u], но в некоторых языках им может быть гласный средний и по ряду, и по подъему).

Традиционно редупликация делится на полную и частичную (см., например, Виноградов [1990]). Однако различие этих видов редупликации часто понимается по-разному: так, в слове, состоящем из нескольких морфем, редупликацию корня могут отнести и к полной (редуплицируется весь корень), и к частичной (редуплицируется только часть слова). В данной работе отдано предпочтение другой системе исчисления форм, которая представлена в работе [Рожанский 2000]. Редупликация подразделяется на виды, в зависимости от статуса редуплицируемого сегмента, то есть может быть **фонемной** (повторяется одна фонема), **слоговой** (повторяется один или, реже, два слога), **морфемной** (повторяется одна или несколько морфем) и **лексемной** (повторяется слово целиком). Конечно, отдельно взятая форма далеко не всегда может быть однозначно отнесена к одному из указанных классов. Если, например, морфема совпадает со слогом, то встает вопрос, с какой редупликацией – слоговой или морфемной мы имеем дело. Однако в большинстве случаев этот вопрос достаточно просто решается анализом других примеров редупликации, служащих тем же целям.

В большинстве случаев редуплицируемый сегмент непосредственно следует за сегментом, который он повторяет (или же непосредственно предшествует ему). В этом случае мы считаем редупликацию **контактной**. Однако иногда оба сегмента оказываются разделенными каким-либо формативом. Такую редупликацию мы называем **дистантной**.

Наконец, следует уточнить, какие случаи повторов мы рассматриваем. Как уже было сказано выше, редуплицированная форма должна быть представлена в словаре языка. Если в слове содержится некоторый повтор и существует семантически связанный с этим словом нередуплицированный коррелят, то пример квалифицируется как мотивированная редупликация. Если нередуплицированного коррелята нет, то учитывается длина повторяемого сегмента (очевидно, что легче допустить случайность повтора двух фонем, чем, например, десяти), наличие структурно схожих повторов в других словах этого языка, а также семантика слова. Конечно, иногда возникают примеры, которые не могут быть однозначно квалифицированы как редупликация. В таких ситуациях принималось индивидуальное решение для каждого случая.

2. Мотивированная редупликация

⁶ Например, можно произвести сопоставление дивергентной и недивергентной редупликации и тем самым прийти к выводу о направлении последней. В случае частичной редупликации направление повтора в большинстве случаев понятно. Например, в фула даже два примера редупликации (*fí*- ‘ударять/бить’ – *fíifíin*- ‘регулярно, часто, сильно ударять/бить’, *jab*- ‘принимать (подарки)’ – *jabb*- ‘приветствовать’) позволяют обоснованно предположить, что мы имеем дело с прогрессивной редупликацией: в противном случае правило образования редуплицированных форм выглядело бы очень странно.

В словарях всех рассмотренных языков была представлена как мотивированная, так и немотивированная редупликация. Соотношение этих двух классов слов варьирует в зависимости от языка, но сохраняется в определенных рамках: среди общего числа редуплицированных слов мотивированными оказываются от одной до двух третей. Этот достаточно простой факт представляется интересным: из него, в частности, следует, что мотивированную и немотивированную редупликацию нельзя рассматривать как абсолютно независимые языковые явления (в противном случае мы ожидали бы, что в некоторых языках представлен только один из рассматриваемых классов слов)⁷.

Мотивированная редупликация выступает как словообразовательный механизм, который, как и аффиксация, характеризуется следующими параметрами:

1) к какому грамматическому классу (части речи) относится исходное нередуплицированное слово;

2) к какому грамматическому классу (части речи) относится полученное редуплицированное слово;

3) какая семантика различает исходное и результирующее слова.

Очевидно, что с точки зрения этих параметров любая пара "исходное нередуплицированное слово" – "результирующее редуплицированное слово" может быть отнесена к одному из четырех типов:

1. Оба слова относятся к разным грамматическим классам, но не имеют каких-либо специфических семантических различий (говоря другими словами, редупликация используется просто как способ образования слов другого грамматического класса, т.е. как вербализатор, адъективизатор, субстантиватор и пр.);

2. Оба слова относятся к разным грамматическим классам и различаются семантикой, специфичной для редуплицированных форм. Такой семантикой могут быть, прежде всего, различные виды множественности (то есть, редуплицированное слово несет семантику множественности, а нередуплицированное не несет);

3. Оба слова относятся к одному грамматическому классу, и различаются специфической для редупликации семантикой (например, от обычного глагола образуется мультипликативный глагол);

4. Оба слова относятся к одному грамматическому классу и не имеют специфических семантических различий, то есть по сути можно говорить о синонимической паре, компоненты которой различаются только наличием редупликации на уровне формы.

Рассмотрим, насколько представлен каждый из указанных типов в анализируемых языках.

2.1. Образование слов другого грамматического класса (без семантических различий)

Этот тип очень распространен и представлен большим числом примеров.

В **були**⁸ [Kröger 1992] редупликация используется как субстантивирующее средство: от исходного нередуплицированного глагола образуется редуплицированное существительное без какой-либо специфической семантики множественности. В большинстве случаев это слоговая регрессивная редупликация (в том числе с дивергенцией – в первой части редуплицированного слова происходит замена гласного на [i] или реже на другой гласный). Иногда редуплицированное существительное оформляется суффиксом.

titiesiri 'воспоминание, память' от tieri ~ teeri ~ tiesi ~ teesi 'помнить, думать о, размышлять, напоминать';

⁷ Естественно, существуют и другие, более серьезные аргументы в пользу данного тезиса.

⁸ Здесь и далее нет формального принципа, который определял бы последовательность подачи иллюстративного материала из разных языков. Существующая последовательность определяется исключительно эмпирическими представлениями автора о наглядности материала и удобстве его восприятия.

poroli '1) мысль, идея, взгляд, мнение; 2) чувство, эмоция' от poli '1) думать, полагать, иметь мнение; 2) помнить; 3) представлять, мысленно видеть; 4) надеяться';
 chichimi '1) непостоянный и переменчивый характер, особ. используется по отношению к человеку, пытающемуся подражать другим людям (что рассматривается как дурное качество); 2) (ограничено) человек, способный превращаться в животное' от chim 'вести себя, как кто-то другой';
 ngmi-ngmaasa 'зависть, ревность' от ngma 'винить, критиковать, завидовать';
 nyu-nyuila ~ nya-nyuila 'жажда' от nyu 'пить';
 poroota 'жалоба' от rooti 'докладывать, подавать жалобу, выдвигать обвинение, подавать иск в суд'⁹;
 sinsam 'моча' от sam 'мочиться';
 sisatik '1) скользкость, скользкое место; 2) ошибка, грубый промах' от sati 'скользить, ошибаться, оговариваться';
 sisebla 'эрудиция, интеллект (часто используется иронически)' от sebi ~ seb 'знать, верить';
 susugi ~ sunsugi 'секрет' от sugi 'прятать, утаивать'.

Аналогично в були от глаголов могут образовываться наречия или, реже, прилагательные. В большинстве случаев они образуются посредством редупликации всего слова, однако встречаются и случаи слоговой редупликации.

krang-kranga 'близко, рядом, недалеко' от krangi ~ krang 'приближаться, подходить, быть рядом';
 miri-miri 'толпой, большим числом' от miri 'быть или стать плотным (например, о платье), быть узким, быть полным или переполненным';
 toga-toga ~ tog-toga '(совсем) отличаясь, по-разному' от toga ~ tog 'быть или выглядеть отличным, другим';
 muna-muna 'на кусочки, на части' от munisi 'разбивать или разрезать на кусочки';
 tuntuli ~ tuntul(i)ni / tuntula 'вверх тормашками, наоборот' от tulim 'переворачивать вверх тормашками';
 buta-buta 'будучи расстроенным, смущенным' от butim 'расстроиться, смутиться, быть расстроенным, смущенным';
 ngmin-ngmirik '1) разноцветный, многоцветный, черный и белый, пятнистый, крапчатый; 2) украшенный (разными цветами, резьбой, картинками и т.д.)' от ngmirisi 'раскрашивать, украшать (например, лицо декоративными шрамами; стенки горшков насечками и пр.); быть украшенным, многоцветным, пестрым'.

В **бамана** [Bailleul 1981] примеров редупликации этого типа не очень много, но они появляются как при образовании существительных от глаголов, так и при образовании глаголов от существительных.

jìgínjìgín 'крутой склон (косогор)' от jìgín 'спускаться; ссориться';
 jàjàjà 'бродяга' от jà 'приютить, размещать';
 ɲápátúɲápátú 'обман, вымогательство' от ɲápátú 'бесчестно обманывать, провести';
 wéléwélé 'зов глашатаго' от wélé 'звать, подзывать, приглашать';
 ncónncón 'обозначать (насечками, дырочками от иголки)' от ncón ' жало пчелы';
 sùmású má ~ sù má 'нюхать, вдыхать запах' от sù má 'запах';
 nyùgúnnyùgú 'быть в большом количестве, быть прижатыми друг к другу' от nyùgú 'группа, соединение, объединение, рой, стая';
 kèrènkèrén 'аккуратно отложить в сторону' от kèrè 'бок сторона';
 ntóníntóní 'сделать рикошет' от ntón 'петля, сделанная из веревки'.

⁹ Слово rooti является результатом заимствования английского слова report 'докладывать, выставлять обвинение'. Включение заимствований в систему словообразования свидетельствует о продуктивности соответствующей модели, в данном случае – редупликации.

В языке **кабье** [Lévikaza 1979] встречается использование редупликации для образования отглагольных прилагательных¹⁰. Эти прилагательные образуются при помощи аффиксации, но если глагольный корень состоит из одного слога (а таких глаголов в кабье много), то аффиксация используется вместе с редупликацией: первый слог глагола редуплицируется, а спереди прибавляется префикс ki-/ku-/ku- (выбор варианта префикса определяется гласным корня), например:

kíkikiyú ‘толстый (о человеке)’ от kíwú ‘толстеть’;

kítetéwu ‘1) святой; 2) благочестивый набожный’ от tétewu ‘1) быть, стать красивым; 2) быть, стать хорошим; 3) быть праведным’;

kífafáw ‘заработанный работой на чужом поле (сельскохозяйственный продукт)’ от fáwu ‘1) помогать собирать урожай на чужом поле, получать сельскохозяйственные изделия как плату; 2) использовать, извлекать выгоду’;

kíhaháw ‘подаренный, данный’ от háwu ‘давать, дарить, преподносить’;

kíleléw ‘1) ношенный (обувь и украшения); 2) привязанное (животное)’ от léwú ‘1) носить (обувь и украшения); 2) léwú nímiyé привязывать (о животном)’;

kítutúw ‘посаженный’ от títúw ‘сажать (о растении)’;

kútótów ‘выращенный (скот)’ от tótów ‘1) быть обильным, иметься в изобилии, в большом количестве; 2) разводить, выращивать (животных)’;

kíkkráw ‘1) пойманный, застигнутый, схваченный; 2) задержанный’ от kráwu ‘1) ловить, застигать, хватать; 2) задерживать’.

Подобного рода редупликация первого слога глагольного корня встречается и при образовании отглагольных существительных (таких случаев значительно меньше, чем отглагольных прилагательных, но все же они встречаются).

kíkín ‘толстяк’ от kíwú ‘1) становиться толстым; 2) твердеть, сгущаться’;

kekeletah ‘прозрачная вода’ от keletítu ~ keletúu ‘становиться прозрачным (о воде)’;

kakáláh ‘ругань, брань’ от kalúu ‘1) считать; 2) читать, читать вслух; 3) ругать, бранить’;

kekém ‘обман, мошенничество’ от kéwú ‘1) менять (деньги), обменивать (купленный товар)’; 2) менять место, находиться не на своем месте; 3) обрезать (особенно корни ямса при первом урожае, чтобы посадить саженцы ямса; ногти, но не материю); 4) обманывать’;

kekédáhtú ‘болтун’ от kedúu ‘1) мерить; 2) быть внимательным, осторожным; 3) рассказывать; 4) быть хорошим’;

siúyu ‘рвущий’ от siúu ‘1) разрывать, порвать (тряпку, мясо, бумагу); 2) сломать (молодую ветку)’.

В **сонгай** [Haïdara и др. 1995] от глагола, обозначающего некоторое действие, образуются существительные, обозначающие результат этого действия или выступающие как субъект, совершающий это действие (впрочем, иногда семантическая связь между редуплицированным существительным и исходным глаголом оказывается более сложной). Для этого, как правило, используется редупликация всего слова.

burga-burga ‘пыльная земля’ от burga ‘поднимать пыль’;

faaga-faaga ‘быстрый ветер, вихрь’ от faaga ‘дуть, дуть (о ветре)’;

haaga-haaga¹¹ ‘жареный рис’ от haagu ‘жарить’;

kurba-kurba ‘блюдо на основе проса, сорго’ от kurba ‘молотить, размешивать (продукт питания)’;

lunbu-lunbu ‘пропитанный водой до разрыва’ от lunbu ‘быть пропитанным’;

nika-nika ‘мельница’ от nika ‘молоть’;

¹⁰ К сожалению, в словаре [Lévikaza 1979] не указывается частичная принадлежность лексем (в отличие от остальных словарей, использованных в данной работе). Поэтому для этого языка частичную принадлежность приходилось определять по переводам, что естественно, не может претендовать на абсолютную точность.

¹¹ Конечный -а, по всей видимости, является пассивным суффиксом.

mira-mira '1) ныряющая водная птица, баклан; 2) земляной червяк' от miri 'исчезать в глубине';

taama-taama 'место, где останавливаются, чтобы тащить вперед пирогу' от taama 'топать, топтать ногами'.

Несколько реже встречаются примеры, где глагол образуется от существительного, например:

deeli-deeli 'быть липким, клейким' от deli 'гуммиарабик';

londi-londi 'быть слизистым' от londi 'костный мозг, слизь';

ɲigmi-ɲigmi 'смешивать' от ɲigmi 'смесь';

haabu-haabu 'содержать шерсть' от haabu 'шерсть, хлопок';

saabu-saabu 'быть волокнистым' от saabu 'волос, ворс'.

В этих случаях нельзя однозначно утверждать, что при образовании глагола привносится семантика множественности (поэтому эти примеры и рассматриваются в данном типе редупликации). Однако некоторые глаголы в приведенных примерах попадают в те семантические классы, для которых характерно обилие редуцированных лексем.

В **волоф** [Lexique Wolof-Français 1977] от глагола образуются существительные, являющиеся результатом действия или предметом/понятием, непосредственно связанным с этим действием. Во всех случаях происходит редупликация всего слова.

lm-lm 'имущество, состояние' от lm 'иметь';

bəgg-bəgg 'сильное желание, воля' от bəgg 'любить желать, хотеть';

dəgg-dəgg 'резаная рана' от dəgg 'резать, порезаться';

ɟlm-ɟlm 'рана, нанесенная оружием, или укусом (уколом)' от ɟlm 'колоть, кусать, поражать (остроконечным снарядом)';

ləj-ləj 'узел, безвыходное положение в деле' от ləj 'быть запутанным';

sɔr-sɔr 'право, полученная власть' от sɔr 'иметь право, быть уполномоченным';

takk-takk 'пламя, отблеск, слабый свет' от takk 'пылать, жечь, быть зажженным';

mən-mən 'способности, возможности' от mən 'мочь, быть сильнее';

lakk-lakk 'ожог' от lakk 'жечь, гореть, зажигать, жарить';

gakk-gakk 'пятно' от gakk 'быть испачканным, запятнанным';

xɔɔr-xɔɔr 'рана, полученная в голову' от xɔɔr 'нанести рану в голову каким-либо предметом';

xɔg-xɔg 'трещина, щель' от xɔg 'разрубать, колоть';

В **догон** [Kervran 1982] при помощи редупликации от глаголов образуются существительные. В большинстве случаев это полная редупликация. Иногда встречаются случаи дистантной редупликации.

ɖyaɲa-ɖyaɲa 'жар; тепло' от ɖyaɲa 'ставить на огонь';

keze-keze 'забава, развлечение' от keze 'веселиться';

mele-mele 'обломок (дерева)' от mele 'разбивать на мелкие кусочки; мешать, размешивать';

ruzo-ruzo 'вентиляционное отверстие в плоской крыше' от ruzo 'выходить, просачиваться, показываться, открываться';

toŋi-na-toŋi 'насекомое (говорят, что когда оно пролетает над колосьями проса, оно их высушивает и мешает им созреть; мешает зернам расти)' от toŋo '1) выпускать сок, будучи разломанным, проколотым, разрезанным; 2) разрушать, вредить'.

ɖyamba-ɖyamba 'летучая мышь (крылан); небольшая рыжая лягушка', вероятно, от ɖyama 'вешать, прицеплять, подвешивать';

Довольно часто в догон существительные образуются при помощи редупликации прилагательных. Этот способ особенно характерен для образования абстрактных существительных.

ama-ama 'кислота, горечь' от ama 'свернувшийся, прокисший';

ellu-ellu 'сладость' от ellu ~ elle 'сладкий, подслащенный';

emmi-emmi 'теснота, узость' от emmi 'тесный, узкий';

ɛzu-ɛzu ‘красота’ от ɛzú ‘красивый, добрый’;
 ga:gá: ‘величина, размеры’ от gá ‘большой’;
 gɛnɛ-gɛné ‘доброта, красота’ от gɛné ‘хороший, добрый’;
 gallu-gállu ‘горечь’ от gállu ‘горький’;
 giru-girú ‘ребенок, родившийся после предыдущего с интервалом в 2-3 года’ от gírú ‘превосходящий, превышающий’;
 kellu-kellu ‘холодность, сдержанность, робость’ от kellù ‘холодный’;
 keze-keze ‘твердость, прочность’ от kezé ‘твердый, прочный’;
 nyǎn-nyǎn ‘трудность, затруднение’ от nyǎn ‘трудный, затруднительный’;
 tólo-tolò ‘высота’ от tólo ‘высокий’;
 tonno-tónno ‘твердость’ от tónno ‘твердый’.

Буквально несколькими случаями в догон представлено образование наречий от существительных:

dyǎn-dyǎn ‘спокойно, нежно’ от dyǎn ‘мир, здоровье’;
 máy-máy ‘с заботой, с настойчивостью’ от máy ‘забота, интерес’;
 yálu-yalù ‘местами, по многим местам’ от yalú ‘место’.

В **киси** [Childs 2000] этот тип редупликации практически не представлен (не считая словообразовательных процессов, в которые включены идеофоны – см. ниже), хотя отдельные случаи образования прилагательных от существительных или глаголов встречаются. Например,

dèmdèm- ~ dèdèmdò ‘плоский, гладкий (о еде)’ от dèngbóó ‘плоский кусок земли’;
 léùléù ‘гибкий’ от léùwé ‘ветка’;
 nǒlì-nǒlì ‘грязный, запачканный’ от nǒlàá ‘пачкать, загрязнять’.

В **нупе** [Banfield 1914] при помощи редупликации происходит образование существительных от глаголов. Здесь мы имеем дело с полной редупликацией слова (часто в сопровождении аффиксации).

dada ‘большое расстояние’ от da ‘идти, уходить, отправляться’;
 dɔdɔ ‘профессия; собственность; пост, передаваемый детям от родителя’ от dɔ ‘быть, существовать’;
 latswálatswági ‘геккон’ от latswá ‘шипеть’;
 liǎliǎgi ‘карлик, лилипут’ от liǎ ‘отрезать, обрезать, сдирать’;
 lulu ‘хлопок’ от lu ‘ткать’;
 tsutsu ‘смерть’ от tsu ‘умирать’;
 vòvò ‘помойка’ от vò ‘гнить, разлагаться’.

Аналогичным образом могут образовываться и прилагательные:

gbáṅgbṅ ‘разумный, здравомыслящий’ от gbṅ ‘быть умелым, разумным, здравомыслящим’;
 gbogbogbokó ‘большой’ от gbó ‘быть большим’;
 lìlìcì ‘чистый; святой’ от lì ‘быть чистым; быть справедливым’;
 tòtò ‘свободный, обвислый’ от tò ‘ослаблять, делать более свободным’.

Особый случай представляет пара слов «редуплицированный идеофон» - «нередуплицированный глагол». Специфика таких пар заключается в том, что, во-первых, они достаточно часто встречаются в языках, и, что, во-вторых, они ставят вопрос о направлении словообразования. Обычное и очень распространенное представление о появлении редуплицированных слов заключается в том, что редуплицированное слово является всегда производным, а его нередуплицированный коррелят – производящим. Однако это не всегда так. Идеофоны представляют собой достаточно древний пласт лексики и в большинстве случаев для них нехарактерно быть образованными от других классов слов (исключая, может быть, только процесс идеофонизации звукоподражаний, который мы в данной работе рассматривать не будем – это не имеет непосредственного отношения к редупликации, и вообще больше связано с историей развития языка). Зато идеофоны часто могут приобретать морфологические показатели других классов слов и

тем самым переходить в эти классы, позволяя говорить о глаголах, прилагательных и прочих словах идеофонического происхождения (чаще всего, конечно, так образуются глаголы). Этот процесс, по-видимому, в разные периоды происходил (и происходит) в большинстве языков мира. Например, такие русские глаголы как "прыгать", "шлепать", "плюхнуться", "брыкаться" исторически произошли от идеофонов ("прыг", "шлеп", "плюх", "брык"), которые в современном русском языке уже не являются достаточно представительным классом слов, а в результате «олитературивания» языка считаются далекой языковой периферией, и в грамматиках (а порой и в словарях) практически не рассматриваются. В языках с развитой системой идеофонов обсуждаемые процессы лежат на поверхности и, следовательно, более заметны. В некоторых языках существуют специальные аффиксы-деидеофонизаторы¹². Таким образом, для пары «редуплицированный идеофон» – «нередуплицированный глагол» следует, скорее, предположить процесс «дередупликации» идеофонов (хотя, конечно, возможны и исключения). В некоторых языках этот процесс очень заметен, в других же для идеофонов не характерно (может быть, этот момент еще не наступил?) переходить в слова другого класса. При этом, если от редуплицированного идеофона образуется глагол, то возможны три стратегии: 1) редупликация утрачивается; 2) редупликация сохраняется, а специфичные для глагола морфологические показатели добавляются к редуплицированному слову в целом; 3) глагольные показатели добавляются к каждой из частей редуплицированного слова (в эт случае может возникать вопрос, имеем ли мы дело с редуплицированным глаголом или же с повтором глагольных форм). Естественно, последние два случая относятся только к языкам, где глагол имеет специальные маркеры в пределах словоформы, в остальных языках можно говорить лишь об утрате редупликации или же о конверсии идеофона в глагол.

В словаре **киси** [Childs 2000] мы встречаем целый ряд таких слов, например, fàsànjàá 'брызгать, кропить, опрыскивать водой; добавлять что-либо в качестве подарка при сделке, рассыпать и пр.' от fàsàŋ-fàsàŋ 'разбрызганный, рассеянный'; laàsìá '1) перемешивать; 2) шалить, вести себя глупо, вызывать смех; 3) терять, теряться, исчезать' от láàsì-láàsì 'описывает процесс перемешивания, растерянность, обилие дел в голове'; léjéjàá 'уменьшать размер подстриганием или скручиванием' от léjé-léjé 'описывает процесс уменьшения, обозначаемый глаголом léjéjàá';¹³ síèèlàá 'скользить, переходить с темы на тему, танцевать' от síééèlè-síééèlè ~ síéè-síéè 'скользящий'.

!!!мбай и фула

2.2. Образование слов другого грамматического класса (с семантическими различиями)

Этот тип не столь распространен, как предыдущий. Он встречается не во всех языках и обычно представлен ограниченным числом примеров. Такого рода примеры наблюдаются в **сонгай**, где существует ряд редуплицированных глаголов, образованных от существительных. У этих глаголов присутствует семантика множественности, отсутствующая у исходного существительного. Нередко множественность сочетается с диминутивностью.

bangu-bangu 'покрывать лужами' от bangu 'озеро, море';

ciigi-ciigi 'быть слегка соленым' от ciigi 'соль';

kuugu-kuugu 'морщить, морщиться, плиссировать' от kuugu 'кожура, кожа';

¹² Очень показателен с этой точки зрения язык коми (финно-угорской семьи), где суффиксы -g, -k, -z, -s используются исключительно для образования глаголов от идеофонов, см. [Современный коми язык 1955: 249]).

¹³ В данном примере, как несложно заметить, семантика идеофона описывается через соответствующий глагол, поскольку описание семантики идеофона нередко оказывается нетривиальной задачей.

hondu-hondu ‘быть покрытым холмами, дюнами’ от hondu ‘дюна, холм, брус’¹⁴.

Достаточно интересная ситуация наблюдается в **нупе**, где согласно [Banfield 1914] редупликация встречается у наречий, нередуплицированным коррелятом которых оказываются прилагательные. В большинстве таких случаев у наречий есть семантический компонент интенсивности, отсутствующий у соответствующего прилагательного¹⁵:

dwògwòdwògwòyí ‘очень (мягко)’ от dwògwògi ‘мягкий, нежный’;

sùdàsùdàyí ‘очень (тепло)’ от sùdà ‘теплый’;

wàwàwàwàwàyí ‘очень (мало)’ от wàwàgi ‘маленький’;

tsàkùtsàkùyí ‘очень (грубо)’ от tsàkà ‘грубый, крупный’.

Однако в целом, редупликация в наречиях, образованных от прилагательных, не является (или, по крайней мере, не всегда является) обязательной. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, где для наречий в числе возможных вариантов приводятся как редуплицированные, так и нередуплицированные варианты, например,

dàràdàràyí ~ dàràkòyí ~ dàràyí ‘очень (длинный)’ от dàrà, dàràgi ‘длинный’;

yèkòyèkòyí ~ yèkòyí ‘очень (сыро)’ от yèkò ‘сырой, прохладный’;

bwòtwòbwòtwòyí ~ bwòtwòkòyí ~ bwòtwòyí ‘очень (мясисто или тучно)’ от bwòtwò ‘мясистый, дородный, полный’;

wàwàwàwàyí ~ wàwàyí ‘очень (неопрятный)’ от wàwà ‘неопрятный неряшливый’.

Поскольку у всех приведенных наречий наблюдается наречный суффикс (-yí), нельзя исключать, что приведенные примеры попадают в рассмотренный тип редупликации лишь по случайности. В действительности же мы имеем дело с двумя процессами: во-первых, образованием наречий от прилагательных при помощи аффиксации и, во-вторых, образованием интенсивных форм наречий при помощи редупликации (в этом случае рассмотренные примеры должны были бы попасть в следующий тип редупликации). Однако из материалов словаря такая картина четко не прослеживается, поскольку во многих случаях нередуплицированная форма наречия не отмечена.

В остальных же рассмотренных языках этот тип редупликации, если и представлен, то только отдельными примерами. Тем самым, этот тип редупликации оказывается за пределами основных функций, которые редупликация обычно выполняет в языках. Ниже мы предложим объяснение для этого факта.

2.3. Образование слов того же грамматического класса (с семантическими различиями)

Тип 3, в котором и редуплицированное, и нередуплицированное слова относятся к одному и тому же грамматическому классу, является в некотором смысле самым проблематичным для исследования. Даже в общем случае (то есть безотносительно к редупликации) при наличии некоторого более или менее регулярного семантического противопоставления двух форм, относящихся к одному и тому же грамматическому классу, исследователь очевидным образом сталкивается с проблемой разграничения лексического и грамматического. Критерии, по которым соответствующее языковое явление квалифицируется как словоизменительное или словообразовательное, далеко не универсальны и порой просто расплывчаты. Если во флективных языках, где в помощь

¹⁴ Сюда же, по всей видимости, относится и слово bine-bine ‘колебаться’, которое мы считаем производным от bine ‘сердце, смелость, храбрость’ (то есть “колебаться” можно интерпретировать как “иметь много маленьких сердец”).

¹⁵ В нескольких случаях в словаре не отражена семантика интенсивности, например, bwògwòbwògwòyí наречие от bwògwò ‘гладкий’, sùkùsùkùyí ‘плотно, густо’ от sùkù ‘плотный, густой’. Мы склонны квалифицировать эти примеры либо как некоторую неточность в описании значений, либо как окказиональные случаи, поэтому они не отмечены при анализе предыдущего типа редупликации (переход слова в другой грамматический класс без привнесения специфичной для редупликации семантики).

исследователю работает морфотактика (словоизменительные показатели тяготеют к периферии словоформы, словообразовательные располагаются ближе к корню), все равно встречается немало проблемных случаев, то в языках других типов наиболее весомым аргументом может оказаться просто традиция описания. Если же для выражения соответствующего значения используется не аффикс, а редупликация, то проблема еще более усугубляется. Действительно, одним из важных критериев, характеризующим словоизменение, является регулярность образования формы. Например, временная форма глагола должна образовываться от всех лексем (или, по крайней мере, от лексем определенного формального класса¹⁶), а какой-нибудь дериват с нетривиальной совершаемостной семантикой будет образовываться лишь от ограниченного множества лексем, обладающих соответствующими семантическими свойствами (например, в зависимости от Aktionsart и т.п.). Для редупликации с ее склонностью выражать иконическую семантику критерий регулярности может работать прямо противоположным образом. Наиболее регулярные повторы часто вообще исключаются грамматического описания – зачем их рассматривать, если и так понятно, "что имеется в виду"?¹⁷

Все эти наблюдения приводят к одному простому выводу: в языке без сложившейся традиции описания повторы с регулярной семантикой и без перехода слова в другой грамматический класс с одинаковой вероятностью могут оказаться: а) в грамматике языка, б) в его словаре, в) за пределами и грамматики, и словаря – выбор определяется исключительно личностью того, кто составляет описание языка. Например, в словаре бамана [Bailleul 1981] мы встречаем около 30 редулицированных глаголов, которые образованы от нередулицированных глагольных лексем. При этом в работе [Dumestre 1994, 299] отмечается, что "все глаголы в бамбара потенциально способны редулицироваться. Семантическое наполнение мотивации приводит к тому, что некоторые (например, глаголы движения) способны к этому больше, чем другие, но априори не следует делать никакого различия". Тем самым, ответ на вопрос, почему в словаре бамана мы находим 30 глаголов, а, например, не 3 и не 300, вряд ли может быть аргументирован чисто языковыми факторами.

То есть, словарные данные, касающиеся рассматриваемого типа редуликации, должны восприниматься с особой степенью условности. Все же это не мешает сделать определенные наблюдения.

В языке **киси** почти треть всех случаев мотивированной редуликации – это глаголы со значением множественности, образуемые от нередулицированных глаголов. *hìlìhìlìó* 'издавать сдержанные всхлипывающие звуки, икать' от *hìlìó* 'всхлипывать'; *kèlèkèlèlää* 'отрезать, обрезать (по краю)' от *kèlää* 'отрезать, обрезать (например, траву, волосы и пр.), брить'; *kìsìkìsìó* 'неоднократно кусать (также можно сказать о желудке, урчащем от голода)' от *kìsìó* 'кусать, жалить, откусывать, жечь (о ране, болячке)'.

Интересным фактом является то, что в **киси** существуют глагольные формы со значением множественности, образуемые при помощи аффиксации. При этом такие формы могут редулицироваться, создавая формы с "двойной множественностью".

¹⁶ Например, в русском языке форма настоящего времени образуется от глаголов несовершенного вида и не образуется от глаголов совершенного вида.

¹⁷ Например, в грамматиках русского языка не принято описывать такие повторы как "Он ходил, ходил, да так ничего и не нашел", "Я сплю, сплю, а оказывается уже вставать давно пора". Их семантика кажется прозрачной (хотя это не совсем так), новой лексемы не образуется (положим, что для флективного языка это очевидно, а что делать, если язык агглютинативный и склонен оформлять показателем группы, а не отдельные слова?), а "привычные" грамматические категории образуются совсем по-другому.

Яркой иллюстрацией комментируемого тезиса на африканском материале является работа [Выдрин 2003], в которой анализируется достаточно развитая и разнообразная редуликация у прилагательных в языках манде, при том, что большая часть зафиксированных явлений никак не упоминалась в предшествующих исследованиях.

kòlikòlìó ‘ходить, шляться пьянствуя; быть пьяным’ от kòlìó ‘выпивать периодически’ от kòlòó ‘пить или курить’;
 kùìndìkùìndìó ‘ударять или стучать многократно или периодически’ от kùìndìó – множественная форма от kùndòó ‘ударять, стучать, бить’;
 mèlìmèlìó двойная множественная форма от mèlìó ‘оставлять, бросать, ронять, давать’ от màlòó ‘1) оставлять, уходить; 2) ронять, бросать; 3) прощать’;
 tòlìtòlìó ‘сажать много разных растений’ от tòlìó ‘сажать во множестве’ от tòlòó ‘сажать, растить’;
 yòmìyòmìó ~ yìmìyìmìó – двойная множественная форма от yòmìó – множественная форма от yòmòó ‘разбивать’;

Как несложно заметить, далеко не во всех случаях в словаре приводятся значения всей тройки глаголов (базовый глагол – множественная форма, полученная при помощи аффиксации, – двойная множественная форма, полученная при помощи редупликации). В тех же случаях, когда все три значения присутствуют, мы видим вполне типичную картину: однократное действие – повторяющееся действие – повторяющееся действие, направленное на многие объекты (например, ‘сажать много разных растений’) или связанное с другим повторяющимся действием (например, ‘ходить, шататься пьянствуя’). Вполне вероятно, что во многих случаях граница между двумя множественными формами довольно условна и в большей степени определяется языковой прагматикой, чем четко закрепившимися семантическими оппозициями.

Заметный класс редуплицированных глаголов мы наблюдаем в **сонгай**. От нередуплицированной глагольной лексемы они отличаются чаще всего семантикой множественности, как правило, одновременно с диминутивностью (в том смысле, что действие либо относится к мелким объектам, либо само квантуется на мелкие составляющие) или же с аттенуативной семантикой (действие, выраженное в слабой степени). Впрочем, в отдельных случаях могут возникать и другие семантические компоненты, специфичные для конкретной пары глаголов.

sar-sar ‘подпрыгивать’ от sar ‘прыгать, скакать’;
 tufa-tufa ‘поплевывать, ронять капли’ от tufa ‘плевать’;
 doy-doy ‘слегка развеяться’ от doy ‘развеяться’;
 dundu-dundu ‘быть слегка вялым’ от dundu ‘быть вялым’;
 haama-haama ‘многократно прикасаться, ласкать, гладить’ от haama ‘трогать’;
 wanga-wanga ‘кружиться, вертеться, окружать’ от wanga ‘окружать, обносить оградой, делать круги’;
 williwilli ‘вращать в воздухе, делать петли’ от willi ‘возвращаться, огибать’;
 fuuni-fuuni ‘всюду совать свой нос’ от fuuni ‘внимательно смотреть тайком’.

Единичными примерами в сонгай представлена редупликация первого слога глагола (которая может сопровождаться изменениями типа потери долготы гласного или геминацией согласного):

feferi ‘снимать кожуру, очищать’ от feri ‘раскрывать, открывать’;
 kokosu ‘снимать кору с дерева’ от koosu ‘чистить рыбу, кувшин’;
 tatab(u) ‘ткать, плести’ от taabu ‘свертывать, сгибать’;
 bebberi ‘быть очень большим’ от beeri ‘быть большим’;
 guṅguma ‘сгибаться’ от gum ‘покрывать(ся)’.

Немногочисленность этих примеров не позволяет делать выводы о типичной для этого вида редупликации семантике. В приведенных примерах мы наблюдаем интенсивность и мультипликативность, но не наблюдаем аттенуативности.

В словаре **фула** [Зубко 1980] представлено небольшое число редуплицированных глаголов, образованных от нередуплицированных глаголов при помощи редупликации корня. Наблюдаемые семантические отличия достаточно разнообразны, но все они попадают в число типичных для редупликации иконических значений (итеративность, интенсивность, дисперсивность, аттенуативность). Заметим, что для фула особенно

характерно сильное переплетение суффиксации с редупликацией (оба эти механизма могут как дублировать, так и дополнять друг друга¹⁸), например, *dīwdīwna* ‘подпрыгивать, порхать, перепархивать’ от *dīwa* ‘прыгать, перепрыгивать, летать, пропускать’ (через каузативный глагол *dīwna*); *fīifīina* ‘сильно бить’ от *fī’a* ‘ударять, бить’; *murgamurgin[n]oo* ‘непрестанно шептать, бормотать’ от *murgoo* ‘шептать, бормотать’; *mbarmbartootira* ‘убивать друг друга, устраивать резню’ от *mbara* ‘убивать’ (при образовании редуплицированного глагола используется реципрокальный суффикс); *hera-herina* интенсив от *hera* ‘кудахтать, болтать, тараторить (об обезьяне), нестись, класть яйца’ (используется суффикс *-(i)n* со сложной семантикой).

В **бамана**, как уже отмечалось выше, редупликация свойственна большинству глаголов. Однако в словаре [Bailleul 1981] представлено относительно небольшое число редуплицированных глаголов. В их семантике не находится инвариантного компонента, но в целом наблюдаются опять-таки довольно типичные варианты семантики множественности (чаще всего интенсивность и мультипликативность):

bīlīsībālāsá ‘запутывать, делать безвыходным’ от *bīlīsá* ‘путать, запутывать, затемнять’;
kūrúkūrú ‘вызывать прыщи, завивать’ от *kūrú* ‘сгибать’;
mínímíní ‘поворачиваться, вращаться’ от *míní* ‘свертывать, завертывать’;
múnúmúnú ‘вращать (вокруг своей оси)’ от *múnú* ‘вертеть, переворачивать, вращать, мешать’;
nyòínuyígí ‘моросить’ от *nyòón* ‘немного смачивать, увлажнять, пачкать’;
sígísígí ‘быть сомневающимся, подозревать, предполагать что-л., сомневаться в чем-л.’ от *sígí* ‘сомневаться в чем-л., опасаться, колебаться сделать что-л.’

В словаре **нупе** [Vanfield 1914] также находится ряд рассматриваемых глагольных пар. К сожалению, в этом словаре семантика описана недостаточно точно, и часто редуплицированному глаголу дается такое же толкование, как и его нередуплицированному корреляту. Возможно, что семантические компоненты, отражающие множественность, в большинстве толкований были просто упущены, хотя в некоторых толкованиях они все же слегка просматриваются (это не позволяет нам полностью исключить глагольную редупликацию в нупе из рассматриваемого типа).

gàgà ‘говорить; разговаривать’ от *gà* ‘говорить’ или *gǎ* ‘сказать’;
krékré ‘переходить, покидать’ от *kré* ‘оставлять, покидать’;
lele ‘лежать, спать’ от *le* ‘лежать, быть расположенным (например, о деревне)’;

¹⁸ В работе [Коваль 2000: 143-144] отмечается: Основа редуплицированного глагола может состоять только из удвоенного корня (М: *nyapnyaa*-a ‘носиться, перелетать’ — о стае птиц, ср. *nyaa*-a ‘взметнуться, взлетать разом всей стаей’), но чаще она принимает приосновный аффикс. Повсеместное распространение имеют два аффикса, приблизительно сбалансированной продуктивности, — *(i)n*- и *-(i)t-* <...>. Первый из них, *-(i)n*, омонимичен приосновному каузативному суффиксу <...>. По поводу второго оформляющего редуплицированную основу форманта *-(i)t-* необходимо обсудить его возможный функционально-структурный источник. В речевом узусе фула отмечается употребление клишированных групп из двух глаголов, которые могут быть разными:

yah-a (...) *(w)art-a* ‘уходить да возвращаться’, но могут быть и когнатными:
durs-a (...) *durs-it-a* ‘выучить-перевыучить (наизусть)’,
jal-a (...) *jal-t-a* ‘смеяться да смеяться’,
sood-a (...) *soott-a* ‘заниматься перекупкой (перепродажей)’,
sipp-a (...) *sipp-it-a* ‘заниматься перекупкой молока’
и др. возможные.

Здесь мы наблюдаем при втором глаголе суффикс *-(i)t-* с общим аморфным «повторительным» (итеративным) значением, которое транспонируется в разных контекстах в более частные значения — усилительное, репетитивное, реверсивное и др. близкие этому значения. Причастность данного семантического пучка к редупликации представляется весьма естественной, да сверх того мы еще можем обнаружить едва ли случайные совпадения наподобие *sipsip-t-a* ‘перекупать-перепродавать (молоко)’.

В отличие от глаголов, для существительных этот тип редупликации практически не используется. Ни в одном из рассмотренных языков не было зафиксировано достаточно представительного множества пар «редуплицированное существительное» – «нередуплицированное существительное», компоненты которых различались бы наличием специфичной для редупликации семантики множественности. Тем не менее, во многих языках встречаются отдельные примеры такого типа, например: (сонгай) *husa-husa* ‘маленькие сухие ветки’ от *husa* ‘ветка’, (фула) *mbulmbulndi* ‘тончайшая пыль, мелкий песок’ от *mbula[arí]* ‘пыль, мелкий песок’, (догон) *dyínu-dyínù* ‘стреляющая боль’ от *dyín* ‘боль, страдание’, *len-len* ‘шум падающих капель воды’ от *lén* ‘шум падающей капли воды’, (бамана) *kìsékìsè* ‘маленькие прыщики, которые зудят’ от *kìsè* ‘зерно, семечко, миндаль и др.’.

Как не странно, довольно редко этот тип редупликации встречается у прилагательных, наречий и идеофонов (хотя выражение высокой степени качества является одной из наиболее известных функций редупликации – например, в тюркских языках). Возможно, что если повторы такого рода не имеют специфической системы образования (как, допустим, в тех же тюркских, где редупликация первого CV-кластера прилагательного сопровождается прибавлением согласного¹⁹), то полный повтор прилагательного со вполне понятной семантикой интенсивности считается очевидным и не включается в словарь. К тому же, как обсуждалось выше, продуктивность такого повтора отнюдь не свидетельствует о словообразовательной сущности этого механизма. Отдельные примеры такого рода зафиксированы в догон, например, *dóndón* ‘стабильный, прочно сидящий’ от *dón* ‘сидящий’; *gónnu-gónnú* ‘извилистый, извивающийся’ от *gónnú* ‘согнутый, искривленный’.

По всей видимости, именно в этот тип редупликации следовало бы отнести все многочисленные повторы, касающиеся прилагательных и наречий в нупе (они обсуждались в предыдущем типе редупликации). Однако никаких прямых свидетельств о том, что редупликация в нупе связана именно с интенсивностью и выраженностью качества, в словаре нет. Наоборот, из словаря, скорее, следует, что интенсивность появляется при образовании редуплицированных наречий от прилагательных.

В були при помощи редупликации от личных/притяжательных местоимений образуются неопределенные местоимения, например, *ka-kai-ya* ‘какой-либо, любого вида’ от *ka* ‘это, этого (личное и притяжательное местоимение)’; *ti-tii* ‘некоторые (неопределенное местоимение)’ от *ti* ‘они, их (личное и притяжательное местоимение)’; *wa-wai* ‘кто-либо’ от *wa* ‘он, она, это, его, ее, этого (личное и притяжательное местоимение)’; *dii-dii-ya* ‘что-либо’ от *dí* ‘это, этого (личное и притяжательное местоимение)’.

Заметим, что образование у местоимений (или других шифтерных слов) редуплицированной формы либо со значением неопределенности, либо используемой как кванторное слово с семантикой общности в целом встречается в языках достаточно часто. В частности, в нашем материале такие случаи были зафиксированы в нупе, например, *bágabàgauí* ‘везде’ от *bagá* ‘там, туда (досл. ‘это место’)’.

Отдельного внимания заслуживают те относительно малочисленные примеры, в которых происходит образование слов, имеющих явные отличия в значении, но такие, которые, на первый взгляд, не укладываются в привычную схему типичной иконической семантики. Приведем несколько примеров (которые как раз относятся к редкому случаю образования существительных от существительных):

(бамана) *nyùgúnyùgú* ‘созвездие Плеяд’ от *nyùgú* ‘группа, объединение, рой, стая’;

¹⁹ В некоторых языках это всегда один и тот же согласный (например, [p] в хакасском), в других возможно варьирование согласных (как, например, в турецком, где таковым согласными могут быть [p], [m], [s] и [r], см., например, [Müller 2003]).

(фула) bokko-bokkoogi ‘зеленая ядовитая змея’ от bokko ‘листва баобаба’;
(кабье) εcadícadíyε ‘последний ребенок’ от εcadíyε ‘остаток’.

Действительно, здесь не наблюдается никакой множественности (мультипликативности, интенсивности, аттенуативности и пр.). Однако, с нашей точки зрения, мы все равно имеем дело с иконической семантикой. У иконичности, свойственной редупликации, существует два паттерна. Первый связан с идеей повтора и, тем самым, количественного изменения. Именно он определяет все виды множественности, которые выражает редупликация. Второй паттерн определяется качественным различием форм: редуплицированная форма, с одной стороны, похожа на свой нередуплицированный коррелят, с другой стороны, не является его точной копией. Таким образом, инвариантом для множества значений, определяемых вторым паттерном, становится ‘быть похожим на...’. И именно в силу этого паттерна возникают приведенные выше примеры (созвездие Плеяд – это такая группа (звезд); зеленая змея схожа по цвету с листьями баобаба; последний ребенок – это своего рода остаток).

Проблематичным является вопрос о квалификации идеофонов с точки зрения типа редупликации. С одной стороны, для многих идеофонов характерно наличие пар «редуплицированный идеофон» – «нередуплицированный идеофон», где различие между компонентами пары состоит в интенсивности. С другой стороны, часто мы не можем констатировать наличие полноценного словообразовательного процесса, при котором исходное слово меняет свою форму (например, редуплицируется или прибавляет некоторый показатель), образуя дериват с производной семантикой. Скорее можно говорить, что у идеофонов просто существует корреляция между степенью интенсивности и числом повторов (часто неограниченным). Рассмотрим, например, идеофон mísikà-mískà ‘описывает поверхность чего-либо, волосатую, грубую, неровную, в ухабах, пышную, пухлую’ в языке киси. В качестве примера на этот идеофон приводится предложение: à sò bǎ́ mísikà(-mískà) ‘Они (женщины) были пухлые’. Очевидно, что здесь нет очевидных причин, чтобы считать форму mísikà-mískà производной от mísikà. Тем более это относится к идеофонам, которые допускают ряд форм с различным числом повторов, а форма без повтора отсутствует. Такого рода неограниченная редупликация встречается достаточно часто. Количество повторов здесь служит скорее для эмпазы, чем для выражения какой-либо специфической семантики. Например, в бамана некоторые типы идеофонов допускают от трехкратного до шестикратного повторения [Диаките 1989: 52-53]:

dididi(di) ‘очень быстро (передвигаться)’;

diba diba diba (diba) ‘тяжело и медленно (шлепать, плескаться)’;

fúlúlúlú(lú) ‘с легким шумом’;

hélélélé(lé) ‘радостно, громко (смеяться)’;

yélélélé(lé) ‘очень медленно, осторожно, бережно’;

búrúrú(rú) ‘быстро, неразборчиво (тараторить)’.

Похожие примеры существуют и в киси [Childs 2000]:

bílílí ‘описывает сильное и постоянное течение жидкости (возможно неограниченное повторение)’, например, kòòwáŋ mà fúlú bí-lí-lí... ‘Кровь быстро вытекала’;

hìà-hìà ‘описывает смех (может повторяться неограниченно)’;

gbó-gbó ‘описывает звук, который человек издает, когда идет пешком (может повторяться неограниченно)’.

Понятно, что расценивать идеофон, например, с четырьмя повторами как результат словообразования от идеофона с тремя (или двумя) повторами, в данном случае не совсем корректно.

2.4. Образование слов того же грамматического класса (без семантических различий)

В этот тип редупликации попадают те пары слов, которые не имеют никаких семантических различий, отраженных в словаре. То есть, мы имеем дело с синонимами,

различие между которыми существует только на уровне формы: одно из слов редуцировано, а другое нет. На первый взгляд такая ситуация выглядит довольно странно: зачем нужна редупликация, если редуцированная и нередуцированная формы не имеют различий в значении. Если взглянуть на эту ситуацию с точки зрения такого словообразовательного механизма, как аффиксация, предположение о существовании аффикса, не несущего никакой функциональной нагрузки, выглядело бы вообще довольно абсурдно. Однако для редукации существует целый ряд причин, в силу которых могут возникать обсуждаемые синонимические пары.

Первой и самой тривиальной причиной является уже обсуждавшаяся выше недостаточная точность толкований, данных в словаре. Например, в словаре может быть не отмечено, что редуцированный глагол выражает действие более интенсивное, чем его нередуцированный коррелят. Нередко отсутствие различий в толкованиях редуцированной и нередуцированной лексемы может проистекать из того, что выбор в речи той или иной формы определяется не столько семантикой, сколько прагматикой. Явления такого рода известны в связи с использованием аффиксов, например, различие между русскими предложениями «Дай мне тот ножик!» и «Дай мне тот нож!» определяется не столько размерами ножа (хотя размеры, несомненно, играют определенную роль), сколько прагматической ситуацией, в частности, стилем общения между участниками коммуникации (см. обсуждение этого вопроса в [Поливанова 2002]). Вполне вероятно, что в ряде случаев выбор между схожими по семантике формами, отличающимися наличием редукации, тоже определяется плохо формализуемыми прагматическими факторами. В результате,!!! в словаре для обеих лексем дается одинаковое толкование, в речи обе лексемы могут быть более или менее взаимозаменяемы, но различия в прагматическом использовании оправдывают их одновременное существование в языке.

Как будет показано ниже, появление редуцированной формы не обязательно должно быть результатом словообразовательного процесса, то есть определяться различием семантики между исходным и редуцированным словом. В огромном числе случаев редуцированная форма может следовать из семантики лексемы как таковой (безотносительно к семантике нередуцированного коррелята и вообще к факту его существования). Тем самым открывается как минимум две возможности для появления рассматриваемых пар. В одном случае лексема является редуцированной с самого начала. Наличие редукации обусловлено ее семантикой. Однако в какой-то момент в целях экономии вместо редуцированной формы начинает использоваться ее "краткий" нередуцированный вариант. В другом случае процесс может идти в обратную сторону. Будучи носителем семантики, достаточно типичной для редукации, нередуцированная лексема начинает употребляться в редуцированном виде (хотя исходный нередуцированный коррелят может при этом сохраняться в языке). Естественно, что по информации, представленной в словарях, невозможно определить, какой из этих процессов имел место. Но сам факт параллельного существования синонимичных пар обнаруживается во многих языках, например, (кабье) $\text{takú} \sim \text{takú} \text{'грипп'}$, (нупе) $\text{tatac} \sim \text{tac} \text{'центр, середина'}$, (киси) $\text{siám} \sim \text{siám} \text{'вид маленького, длинного съедобного зеленого кузнечика'}$, (сонгай) $\text{gunba-gunba} \sim \text{gunba} \text{'блоха'}$, (мбай) $\text{wáté-wáté} \sim \text{wáté} \text{'неожиданно, быстро, в спешке'}$, (були) $\text{ye-ye} \sim \text{ye} \text{'нервно, смущенно, растерянно, неуверенно, неподвижно, безжизненно'}$, (бамана) $\text{f} \sim \text{f} \text{'делаться вялым, блеклым, морщиниться'}$, (фула) $\text{dowdow-} \sim \text{dow-} \text{'верхний, северный'}$.

Иногда выбор редуцированной или нередуцированной формы определяется не семантикой и прагматикой, а синтаксисом. Так, в словаре нупе [Banfield 1914] для некоторых нередуцированных глаголов отмечено, что они употребляются с соответствующим однокоренным существительным, например: $\text{ná} \text{'видеть сон'}$ от $\text{ná} \text{'видеть сон'}$ (и $\text{ná} \text{'на tsúwó}$ Он вчера видел сон');

nỵanỵà ‘танцевать, поскакать, вертеться’ от nỵà ‘танцевать’ (используется с enỵà ‘танец’);
sún̄sun̄ ‘дышать’ от sún̄ ‘дышать’ (используется с esun̄ ‘дыхание’);
dzódzò ‘играть’ от dzó используется с родственным существительным èdzò ‘игра’, образуя глагол ‘играть’.

Для редуцированных глаголов такое ограничение на сочетаемость не указано. Ситуация выглядит достаточно прозрачно: использование однокоренного существительного в определенном смысле уже является повтором, так что редуцированная форма выглядит здесь неуместно.

Наиболее часто появление в словаре одинакового толкования у редуцированной и нередуцированной лексем наблюдается при идеофонах. Этот вопрос был затронут в описании предыдущего типа редукации, поэтому мы не будем вновь останавливаться на нем. Для остальных классов слов, как правило, в каждом языке находятся примеры рассматриваемого типа, но их число крайне мало.

3. Немотивированная редукация

В этом разделе рассматриваются те лексемы, которые существуют в редуцированном виде и не имеют однокоренных нередуцированных морфем (насколько можно судить об этом по словарю соответствующего языка). Такого рода слова представлены во всех рассмотренных языках. По всей видимости, редуцированные лексемы существуют в любом языке мира, но их количество и состав заметно варьируют от языка к языку. Для африканских языков характерно наличие большого числа немотивированных редуцированных лексем. Рассмотренный материал позволяет сделать целый ряд наблюдений.

Среди редуцированных лексем представлены все основные классы слов: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, идеофоны (появление местоимений и числительных возможно, но чаще они попадают в разряд мотивированной редукации, служебные же слова практически не встречаются в редуцированном виде).

Редуцированные существительные являются наиболее стабильным классом, в том смысле, что они зафиксированы во всех рассмотренных языках и ни в одном языке они не были представлены лишь единичными примерами. Наоборот, часто они составляют наиболее представительный класс слов. В целом, число редуцированных существительных колеблется в каждом из рассмотренных словарей от 40 до 200 единиц.

Глаголы оказались, напротив, достаточно нестабильным классом. В отдельных языках (бамана, волоф) они представлены хорошо и даже могут превосходить количество существительных. В других языках (були, кабье, мбай) они отсутствуют или же встречаются в минимальном количестве.

Другие классы слов хуже поддаются сопоставлению, по двум причинам. Во-первых, не всякий язык четко противопоставляет такие классы, как прилагательные, наречия и идеофоны (далее мы будем обобщенно называть их "аттрибутивами", осознавая определенную условность этого термина). Во-вторых, в словаре языка не всегда содержатся соответствующие пометы, а переводные эквиваленты недостаточны, для однозначного отнесения слова к соответствующему классу. Все же в каждом языке имеется большее или меньшее количество атрибутивов.

Рассмотрим эти классы слов подробнее.

3.1 Существительные

Во всех рассмотренных языках можно выделить группу существительных, являющихся названиями **животных**. Эта группа достаточно велика – в среднем названиями животных оказывается треть всех редуцированных существительных без мотивации. Редуцированным названиям животных посвящено наше отдельное

исследование (см. [Рожанский 2007]), поэтому здесь мы ограничимся лишь кратким изложением полученных результатов.

Появление редуцированной формы у названия того или иного животного неслучайно. Хотя, на первый взгляд, здесь не просматривается столь очевидной иконичности, как, например, у мультипликативных глаголов, в действительности именно иконичность определяет появление редуцированной формы. Можно назвать целый ряд признаков, которые обусловлены влиянием одного из двух рассмотренных выше паттернов иконичности редуцированного знака (первый – появление количественной семантики, второй – неполное подобие, из которого, в частности, следует пейоративность). Наличие этих признаков определяет вероятность появления редуцированной формы. Такими признаками являются²⁰:

- 1) Склонность собираться большими группами;
- 2) Склонность совершать быстрые движения (например, своими конечностями);
- 3) Передвижение по неровной траектории (зигзагами или хаотично);
- 4) Склонность вызывать отрицательные эмоции (прежде всего, пренебрежение и отвращение);
- 5) Неоднородная структура тела (особенно, если тело состоит из двух, как бы отдельных, частей);
- 6) Мелкий размер;
- 7) Неодноцветная (многоцветная, пестрая) окраска;
- 8) Наличие колючек.

Чем большим числом из перечисленных признаков обладает животное, тем больше вероятность, что его название будет редуцироваться. Так, например, наиболее часто мы встречаем редуцированные лексемы для названий муравьев (признаки 1, 2, 3, 5, 6), змей (признаки 3, 4, 7), пчел и ос (признаки 1, 2, 5, 6, 7):²¹

(бамана) *ménéméné* ‘маленький муравей’ (и производный от этого слова композит *ménéménébíléń* ‘маленький красный муравей’), *tùtù* ‘гадюка (*Bitis lachesis et arietans*)’, *kánkankan* ‘змея (*Meheliya crossi*)’, *fòròkòfàráká* = *fónfónnín* ‘гадюка (*Causus rhombeatus*)’;

(догон) *mene-menè* ‘маленький муравей’, *bɔzɔ-bɔzɔ* ‘змея, живущая в хижинах’, *gàba-gabá* ‘кобра (*Naja nigricollis*)’, *kózu-kɔzù* ‘гадюка (*Echis carinatus*)’, *kúlu-kulù* ‘змея (*Bitis lachesis*)’;

(нупе) *kaṭikaṭí* ‘вид большого красного муравья’, *pùtapùta* ‘вид черного муравья’, *mìnìminì* ‘очень маленький красный муравей’, *zùṅzùṅi* ‘муравей (родовое имя)’, *gogo* ‘вид черного муравья’, *lànkràvùvùvù* ‘виды осы, которые строят глиняные конусы’;

(киси) *fòòlòfóóó* ‘черные и желтовато-оранжевые муравьи’, *sìsìṅndo* ‘муравей, муравей фараонов’, *ńlínlìóó* ‘пчела’, *síékísíékíó* ‘насекомое типа пчелы’, *yààyaá* ‘вид змеи’;

(були) *duduruk* ‘ядовитая змея’;

(сонгай) *bimbim* ‘оса’.

Часто редуцированные названия встречаются у бабочек, гусениц, пауков, кузнечиков, мух, ласточек, трясогузок, воробьев, зимородков, ящериц, жаб и лягушек, черепах, летучих мышей, червей, шакалов. Практически отсутствуют редуцированные названия крупных животных, особенно хищников.

²⁰ Сначала приведены признаки, которые, по нашим наблюдениям, являются наиболее значимыми, затем – менее существенные.

²¹ Заметим, что в некоторых случаях появление редуцированной формы у названия животного может быть мотивированным (например, в фула *kirikiriwu* ‘большой черный муравей’ связано с идеофоном *kiri(m)* идеофон: густо-черный). Такие случаи мы склонны интерпретировать как двойную мотивацию: с одной стороны, обусловленность производящим словом, с другой – наличие указанных признаков, способствующих редукации.

Кроме указанных признаков обособленно стоит еще одна причина появления редуцированной формы у названия животного – это обычное звукоподражание, то есть имитация повторяющихся звуков, издаваемых животным. Чаще всего это наблюдается у птиц, например, во многих языках название индюка явно имеет звукоподражательное происхождение: kùlókùlò (бамана), tòlòtòlò (нупе), toloótoloó (кабье), toloto (були). По этой же причине часто редуцируются названия голубей и ворон.

Однако следует подчеркнуть, что появление редуцированных форм не имеет "жесткой" семантической обусловленности. Указанные признаки увеличивают вероятность появления редуцированной формы, но не обязывают слово быть редуцированным.

Редуцированные названия **растений**, которые в том или ином количестве представлены во всех рассмотренных языках, также имеют определенную семантическую мотивацию. Но здесь проведение такого же исследования, как было проделано для животных, не столь просто: в большинстве словарей авторы не дают точной дефиниции, ограничиваясь общими формулировками, типа: "вид дерева". Все же достоверность гипотезы о неслучайности и иконической обусловленности редуцированных форм в названиях растений подтверждается анализом сонгайских названий растений (эти данные представлены в работе [Рожанский 2001]), показывающим, что даже при примитивном разбиении растений на несколько базовых групп наблюдается очевидная корреляция между типом растения и наличием редуцированной формы. В сонгай среди всех редуцированных названий растений максимальное количество составляют лианы (34%), несколько меньше кустов (28%), заметно меньше трав (18%), и на последних местах оказываются деревья (11%) и овощи (9%). Это соответствует эмпирическим представлениям: лианы извилистые, кусты нередко бывают колючими и т.д.

Интересную группу представляют редуцированные названия **частей тела** (как правило, человека, но также и животных). В словарях некоторых языков таких примеров не находится (например, в були, кабье, мбай, волоф), в других же языках существует целый ряд таких названий, например:

(бамана) bònbon 'подбородок', kènkén 'внутренняя сторона щеки', kèlènkèlè 'ганглий, нервный узел', lèbèlèbè 'бок животного, мясо бедра', nkúnánkúnán 'желчный пузырь', prèlèprèlè 'передняя часть ноги'. Некоторые названия являются сложными словами, в которых одна из частей содержит редупликацию: kàmànfyéfýé 'лопатка (кость)', kènkènfúrú 'щека, скула', prèlèprèlènkóló, rèlèrèlènkóló 'большая берцовая кость', túlókórófèlèfèlè 'мочка уха';

(догон) ènne-ennè 'щеки', aṅa-aṅa 'челюсть', dimme-dimmé 'лоб, лицо', eme-éme 'челюсть', gègu-gègu ~ gèrè-gèrè 'крылья курицы с прилегающим мясом', alme-golon-golon 'глотка, гортань', kárkarù 'подмышка', kóló-kóló 'шея', zzo-zzó 'горло; рыба жабра', tóndyu-tóndyu 'пятки';

(фула) nugu-naga 'внутренности', tektekol ~ tetekol 'тонкая кишка; внутренности, кишки', hohondu 'палец'²²;

(киси) yòòyòò 'Адамово яблоко, двойной подбородок', dáádáá 'подбородок', yòòyòòwáj 'костный мозг';

(нупе) bìdzobìdzo 'мозговое вещество', gbángbàrà 'селезенка', gingiṅni 'пальцы', korikori 'почки', krockrogri 'череп', kpwòḥokpwòḥo 'зоб';

(сонгай) fokom-fokom 'третья камера желудка жвачных', birbir 'бедро'.

Конечно, приведенного материала недостаточно для формулирования каких-либо выводов, характеризующих причины появления редуцированных форм у этого класса слов. Все же даже имеющиеся примеры позволяют отметить некоторые тенденции. Среди редуцированных частей тела большую часть составляют те, которые имеют высокую степень кривизны, ярко выраженную округлость и/или которые можно охарактеризовать

²² Последнее слово может выступать и в нередуцированном виде: hondu.

природу, то есть предмет называется по тем звукам, которые он издает. В эту категорию слов попадают, прежде всего, музыкальные инструменты (чаще всего, это барабаны), например, (були) *daling-kengkeng* ~ *dan-kengkeng* ‘большой колокол’, *ginggaung* ~ *gunggaung* ‘барабан цилиндрической формы’, *gunggong* ‘вид барабана’, *kongkong* ~ *kangkong* ‘консервная банка, металлический барабан, бочка для воды’, (мбай) *gāng-gāng* ‘вид маленького барабана, состоящего из двух маленьких барабанчиков, прикрепленных друг к другу’, (бамана) *tántán* ‘вид барабана’, *kénkén* ‘вид треугольника (музыкального инструмента)’, (догон) *gongòn* ~ *konkon* ‘металлические музыкальные инструменты; металлические коробки’, *sānsān* ‘колокольчик’, (нупе) *paṃpaṃ* ‘деревянная труба’, *fàkàfàkà* ‘музыкальный инструмент в виде варгана, (фула) *gaagaasi* ‘труба’, *jawjawu* ‘барабан’. Также в этот класс слов попадают технические приспособления, издающие характерные звуки: (кабье) *rírээ* ‘поезд’, *krókro* ‘мопед’, *fíííí* ‘свисток (например, у полицейских)’, (були) *riuru* ‘мопед’, *giri-giri* ‘поезд’, (фула) *putuputu* ‘мотоцикл’, (сонгай) *raḱuraku* ~ *rokuroku* ‘мотоцикл’.

Следует отметить два класса слов, которые хотя и не содержат достаточно большого числа редуцированных лексем, все же представлены во многих языках. Первый класс – это обозначение различных **неровностей рельефа**. Например, (киси) *búúbúúwé* ‘курган’, *fòòfòó* ‘место, где есть эрозия’, (були) *kunkkongi* ~ *kungkoang(i)* ‘берег (реки, пруда, озера), дно реки или озера’, *kungkutung* ‘возвышение, приподнятая земля (например, во внутреннем дворе), насыпь (не в географическом, а в структурном смысле)’, (бамана) *tintín* ‘сильное возвышение почвы’, *fòfó* ‘овраг, рывина’, (нупе) *gogontí* ~ *gbogbonti* ‘возвышенность’. Этот класс слов вполне соответствует типичной семантике редупликации, то есть обозначению чего-либо неровного, выпуклого, отличающегося от нормы.

Второй класс – это названия **игр**. Например, (киси) *krákráá* ‘игра, в которую дети играют ночью’, *niínííléṅ* ‘игра в прятки, в которую дети играют вечером’, (були) *gbeli-gbeli* ‘особая игра, в которую мальчики и девочки играют в кругу (без мяча)’, (кабье) *súyээsúyээ* ‘вид детской игры’, *ámaátowú* ‘игра в прыжки’, (мбай) *kṅn-kṅn* ‘вид карточной игры (то же, что и арабская игра "арбаташер")’, (нупе) *gbàgba* ‘детская игра’, (сонгай) *uṃaṃa-uṃaṃa* ‘детская игра, состоящая в беге на скорость’. Редупликация в названиях игр, по-видимому, обусловлена разными причинами. К наиболее очевидным можно отнести, во-первых, использование названий из "детского языка" (большинство указанных игр – это детские игры), для которого характерно наличие большого числа повторов, во-вторых, повторяемость действий, совершаемых в процессе игры.

3.2. Глаголы

Относительно большое число редуцированных глаголов, не имеющих исходного нередуцированного коррелята, из рассмотренных языков наблюдалось только в бамана и волоф. В подавляющем большинстве это глаголы с ярко выраженной семантикой множественности (мультипликативностью, дисперсивностью, аттенуативностью и пр.). Например:

(бамана) *gínígíní* ‘дрожать’, *kúrúkúru* ‘дрожать’, *rétépété* ‘дрыгаться, колебаться’, *уэгээуэгээ* ‘искриться, блестеть, вспыхивать’, *uíránuírán* ‘бояться, сомневаться, быть в растерянности’, *kalábakalábá* ‘торопиться, спешить’, *sáncán* ‘бить маленькими ударами’, *kṅnkṅn* ‘постукивать (маленькими ударами)’, *nyàkínyàkí* ‘слегка покусывать, надрезать во многих местах’, *félénfélén* ‘разбрасывать; бродяжничать’, *síncín* ‘быть редким, разреженным’, *fṅsṅnfṅsṅn*, *pṅsṅnpṅsṅn* ‘делаться вялым, блеклым, морщиниться’;

(волоф) *kəf-kəfi* ~ *kət-kəti* ‘дрожать от холода’, *lɔmbar-lɔmbari* ‘ходить взад и вперед, волноваться’, *ɲes-ɲesi* ‘сверкать, блестеть’, *ɲlɛs-ɲlɛsi* ‘постоянно плевать’, *ɣlɔklɔm-ɣlɔklɔmi* ‘прогуливаться туда-сюда’, *ɣeg-ɣegi* ‘дрожать, трепетать’, *seb-sebi* ‘капать’, *tusc-tuscl* ‘разбивать на мелкие кусочки’, *uɔx-uɔxi* ‘дрожать от страха’, *ɣlɔm-ɣlɔmi* ‘слегка дремать’.

Отдельно следует упомянуть два класса глаголов, которые тоже можно считать имеющими семантику множественности, хотя нам кажется разумным рассматривать их отдельно. Первый класс – это глаголы, описывающие походки. Заметим, что походки являются одним из типичных семантических классов, встречающихся у идеофонов, то есть, по всей видимости, данные глаголы имеют идеофоническое происхождение (в языках, где число редуцированных глаголов невелико либо они вообще отсутствуют, аналогичная семантическая ниша оказывается заполнена именно идеофонами). Например:

(бамана) fɪŋɪfáŋgá ‘пошатываться, нетвердо идти’, jìŋgìjángá ‘ходить вразвалку, идти покачиваясь’, kɪsíkásá ‘идти пошатываясь, волоча ноги’, nyɛ́gámányɛ́gámá ‘похотливо идти’, ùlìyú̀lì ‘идти маленькими шагами (о старике, охотнике)’, pírítípárátá ‘иметь быструю и беспорядочную походку’;

(волоф) pət-pəti ‘совершать неожиданные скачки’, уэ́гэ́г-уэ́гэ́гí ‘идти тяжелой походкой’, yukk-yukki ‘бежать спортивным шагом’, tertəri ‘пошатываться, шататься’.

Второй класс глаголов передает различные звуки, то есть имеет звукоподражательное или опять-таки идеофоническое происхождение.²⁶ Например:

(бамана) g^wédɛg^wédé ‘рокотать вдалеке (о громе)’, gígígígí ‘производить шум (рокот мотора)’, sígísígí ‘лепетать’, sògòsògò ~ swàsáwá ‘кашлять’, wówó ‘лаять’, kólókóló ‘звучать (о колоколе)’.

(волоф) rɔtɔtɔti ‘обильно болтать, болтать без умолку’, ɲkk-ɲkki ‘бешено смеяться’, ɲɪp-ɲɪni ‘тихо говорить, шептать, совершать мессы без песнопений’.

3.3. *Аттрибутивы*

Аттрибутивы (то есть слова, обозначающие характеристики некоторого объекта или действия) в редуцированном виде встречаются практически во всех рассмотренных языках. Появление редупликации в таких словах естественно – она обозначает либо высокую степень некоторого признака, либо, если аттрибутив характеризует некоторое действие (это, конечно, касается в основном идеофонов), редупликация может выражать различные аспекты множественности. Например, в **були** мы наблюдаем немало редуцированных слов, помеченных как наречия: bag-bag ‘много, очень, интенсивно’, buna-buna ‘1) на части, на кусочки (про древесину, еду и т.п.); 2) снова и снова, непрерывно, постоянно (ограничение: не используется, если между повторяющимися действиями большие промежутки времени)’, dapo-dapo ‘время от времени, иногда, изредка’, fara-fara ~ fra-fra ‘близко, совсем рядом, рядом с’, feritetete... ‘(выражает что-л. полностью исчезающее; в определенных значениях) навеки, полностью, навсегда, целиком’, gbang-gbang ‘очень (красный)’, kulululu ‘вверх (о пыли, дыме, паре и положении вождя)’, kuri-kuri ‘(звукоподр.) звук или шум, например, производимый мышью в шкафу, шуршание’, uari-uari ‘1) в беспорядке, произвольно, вразбивку; 2) ненормально’. Даже среди этих нескольких примеров несложно заметить как очевидные наречия (типа dapo-dapo), так и слова, в высшей степени похожие на типичные идеофоны (gbang-gbang, kulululu, feritetete...). Характерная для редуцированных слов семантика легко просматривается во всех приведенных примерах и в большей или меньшей степени сводится к семантике множественности. В словаре **бамана** [Bailleul 1981] мы не наблюдаем редуцированных слов, помеченных как наречия, но встречаем лексемы, которые квалифицируются как идеофоны и имеют семантику схожую по типу с семантикой приведенных выше примеров из були: bágíbágí ‘очень горячий’, búláuíbúláuí ‘выражает нечто большое, что трудно передвигать’, yéreyéreyé ‘красный, зрелый’, bógbóbógó ‘целиком, полностью’, tígítígí ‘точно; совершенно’. В словаре **киси** [Childs 2000], где проводится различие между прилагательными, наречиями и идеофонами, встречаются редуцированные лексемы всех трех классов (опять-таки с похожим

²⁶ В данной работе мы позволим себе не останавливаться на проблеме отличий звукоподражаний от идеофонов, поскольку это не является принципиальным для проводимого в работе анализа.

набором значений): b́anàbàná ‘большой, огромный, важный’, p̀éngb̀é-p̀éngb̀è- ‘грязный и плоский (например, неглубокое болото, высыхающее во время сухого сезона)’ – прилагательные; r̀íéé-r̀íéé ‘много’ – наречие; ẁéé-ẁéé ~ ẁéí-ẁéí ‘описывает разрезание на мелкие кусочки’, kr̀éí-kr̀éí ~ kr̀éé-kr̀éí ‘описывает что-либо очень горячее’, k̀óró-k̀óró ‘полностью, вполне’ – идеофоны. Таким образом, более или менее похожие по семантике лексемы распределяются по разным частям речи в каждом конкретном языке, что, по-видимому, определяется как их грамматическими характеристиками, так и системой классификации лексем, используемой составителем словаря. Семантические причины появления редупликации у атрибутивов в целом достаточно очевидны, поэтому мы не будем останавливаться детально на этом классе слов (хотя с точки зрения частеречной проблематики он, конечно, заслуживает отдельного исследования).

4. Типологические обобщения

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд типологических обобщений.

1. Во всех языках наблюдалось заметное количество редуплицированных лексем, причем часть из них относилась к мотивированной редупликации, а часть – к немотивированной. В целом, структура этого лексического пласта схожа во всех рассмотренных языках.

2. И в случае мотивированной, и в случае немотивированной редупликации появление редуплицированных форм в большинстве случаев обусловлено иконической семантикой. В некоторых случаях эта семантика более прозрачна, в некоторых – менее, но она одинаково обуславливает и использование редупликации в качестве словообразовательного механизма (мотивированная редупликация) и просто в качестве свойства ряда лексем (немотивированная редупликация).

3. У мотивированной редупликации наблюдаются две основные словообразовательные функции. Первая – это перевод слова в другой грамматический класс (конверсия), вторая – образование дериватов, относящихся к тому же грамматическому классу, что и исходное слово, но с производной семантикой. По всей видимости, обе эти функции обусловлены иконичностью: для конверсии это паттерн "быть похожим на...", для деривации без перевода слова в другой класс – паттерн множественности. Два других класса мотивированной редупликации – перевод слова в другой класс с изменением его семантики и образование дериватов того же класса без заметных семантических отличий – представлены значительно слабее и явно не относятся к основным функциям редупликации. Немногочисленность примеров, в которых происходит переход слова в другой класс с изменением семантики, по всей видимости, есть результат того, что семантические изменения и конверсия определяются разными паттернами иконичности.

4. Никакой очевидной корреляции между структурным типом редупликации и выполняемыми ею функциями не наблюдалось. Достаточно часто встречаются примеры, когда одно и то же слово имеет несколько синонимичных вариантов, различающихся только формой (например, один вариант образован при помощи полной редупликации слова, другой – при помощи частичной редупликации).²⁷ Мотивированная редупликация часто сопровождается аффиксацией.

5. Во всех рассмотренных языках наблюдался класс редуплицированных слов, образованных от глаголов. Практически во всех языках количество таких слов превосходило все остальные случаи мотивированной редупликации. В целом, можно утверждать, что при редупликации более принципиальным оказывается частеречный статус того слова, от которого образуется редуплицированная форма (в отличие от аффиксации, при которой тот или иной аффикс чаще определяет частеречную принадлежность деривата, а не исходного слова).

²⁷ О том, что редупликация бывает "неразборчива" в выборе конкретной формы см. [Рожанский (в печати)]. Этот тезис также подтвержден данными, представленными в статье [Выдрин 2003].

6. В каждом из языков есть класс редуцированных существительных, которые относятся к немотивированной редукации. Семантический состав этого класса более или менее стабилен. Число немотивированных глаголов и атрибутивов значительно больше зависит от конкретного языка. Независимо от частеречного статуса причина появления редуцированной формы в большинстве случаев может быть объяснена одним из двух указанных паттернов иконичности. Заметим также, что в каждом конкретном языке для редукации нехарактерно выражать только одно из возможных значений множественности (допустим, итеративность). В подавляющем большинстве случаев мы наблюдаем сразу целый набор возможных значений, какие-то из которых встречаются чаще, а какие-то реже.

Литература

- Виноградов В.А. Редукация // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл.ред. В.Н.Ярцева. М., 1990. Стр. 408.
- Выдрин В.Ф. Редукация прилагательных в языках манде // VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Москва, 16-18 сентября 2003. Сборник докладов. Часть 2, М.: ИСАА, МГУ, с. 246-254.
- Диаките Джибрил. Идеофоническая лексика в системе частей речи (на материале языка бамана). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Зубко Г.В. Фула-русско-французский словарь. М., 1980.
- Коваль А.И. Морфемика пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. М., Восточная литература, 2000. Стр. 103-290.
- Поливанова А.К. Формы вежливости в современном русском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А.И.Кузнецовой. М., 2002. Стр. 21-27.
- Рожанский Ф.И. Редукация в Западной Африке // Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. М., 2000. Стр. 344-412.
- Рожанский Ф.И. Семантическая типология немотивированной редукации // Человек в социокультурном и политическом пространстве. Материалы научной конференции "Африка: общества, культуры, языки" (Санкт-Петербург, 16-18 мая 2000 г.), М., 2001. Стр.263-275.
- Рожанский Ф.И. Редукация и названия животных в африканских языках // Вопросы языкознания, N 2, 2007.
- Рожанский Ф.И. Редукация как языковой механизм с точки зрения традиционной модели языка (в печати).
- Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология. Под ред. проф. В.И.Лыткина. Сыктывкар, 1955.
- Bailleul, Charles. Petit Dictionnaire Bambara-Français Français-Bambara. Avebury Publishing Company: England, 1981.
- Banfield, A.W. Dictionary of the Nupe language. Volume 1. Nupe-English. The Niger Press: Shonga, N.Nigeria, W.Africa, 1914.
- Childs, G. Tucker. A Dictionary of the Kisi language with an English Kisi Index. Rüdiger Köppe Verlag: Köln, 2000.
- Dumestre Gérard. Le bambara du Mali. Essais de description linguistique. Tome 2, Paris, 1994.
- Haidara, Youssouf M.; Maiga, Youssouf B.; Maiga, Mohamed B.; Hutchison, John P. Lexique Songay-Français. Bamako, 1995.
- Heath, Jeffrey. Dictionnaire Songhay-Anglais-Français. Paris, Montréal, 1998.
- Keegan, John M.. Dictionary of Mbay. Lincom Europa: München, Newcastle. 1996.
- Kervran, M. Dictionnaire Dogon Donno So. Région de Bandiagara. Bandiagara, 1982.
- Kröger, F. Buli-English dictionary. LIT Verlag: Münster, Hamburg, 1992.

Lébikaza Koyenzi Kézié. Kabiye-Deutsch-Wörterbuch. Maîtrise-Arbeit. Saarbrücken, Universität des Saarlandes, April, 1979.

Lexique Wolof-Français. Tome I: A-K; II: L-R; III: S-U; IV: W-Y. C.L.A.D I.F.A.N., 1977.

Müller, Hans-Georg. Morphophonologische Untersuchungen an Reduplikationen im Türkischen. Philosophische Dissertation angenommen von der Neuphilologischen Fakultät der Universität Tübingen. Tübingen, 2003.